

Весна робко вступала в свои права. На голых ветвях деревьев проклюнулись первые нежные почки, хотя тепло не спешило возвращаться в Юнчэн. Лишь снег окончательно сошёл, обнажив землю, подёрнутую едва заметной зеленью.

В день открытия академии весть о том, что Хуай Сююн принял Цзи Линьси в «личные ученики», молнией разнеслась по коридорам. Наставники терялись в догадках, а сам глава заведения, не выдержав, призвал Сююна к себе.

— Сююн, неужели это правда? — изумился старик. — Ты действительно взял этого юношу под своё крыло?

Наставник степенно кивнул: — Истинно так.

Глава академии знал, что его коллега славится не только талантом, но и изрядной гордостью. В своё время Хуай Сююн успешно выдержал столичные экзамены и даже успел послужить мелким чиновником, но интриги и лицемерие быстро ему опостытели. Спустя всего год он подал в отставку и уединился в стенах этой обители знаний. С тех пор многие одарённые ученики мечтали стать его преемниками, но мужчина лишь отмахивался, утверждая, что воспитание собственного ученика — труд слишком изнурительный и неблагодарный.

— Цзи Линьси усерден, я не спорю, — продолжал старик, — но он переступил порог академии лишь в конце прошлого года. Не успел он проучиться и пары недель, как начались холода. Его итоговый разряд — третий, самый низший. Что же произошло за эти каникулы, раз ты решился на такой шаг?

Обычно суровый и невозмутимый, Хуай Сююн вдруг преобразился. Словно встретив родственную душу, он принялся с жаром расписывать достоинства подопечного. Рассказ о невероятном трудолюбии и остром уме юноши лился из него неудержимым потоком, подобно водам великой реки в половодье.

— Хорошо, хорошо, Сююн, я понял... — пытался вставить слово собеседник.

— Нет, почтенный, вы не понимаете и сотой доли! — не унимался учитель.

Глава был вынужден просидеть в кресле всё утро, осушив три чашки чая и выслушивая восторженные тирады. Он полагал, что Сююн безбожно преувеличивает: почти все юноши здесь готовились к государственной службе и были прилежны, но такого рвения мир ещё не видывал.

Дождавшись конца речи, старик притворно вздохнул и спросил: — И ты уверен, что он выдержит провинциальные экзамены?

Он намеренно упомянул провинциальный уровень, а не уездный. Между простым преподаванием в академии и воспитанием личного ученика лежала пропасть: в первом случае успехи юноши славили заведение, во втором — неудача личного ученика ложилась пятном позора на самого наставника, превращая его в посмешище.

Сююн на миг умолк. В глубине души он верил в Линьси, но не смел бахвалиться перед судьбой. Государственные экзамены проводились раз в три года, и претендентов на них было больше, чем карасей в пруду, а мест — всего горстка. Жизнь полна случайностей, кто рискнёт дать обет?

Глава академии неверно истолковал его молчание и похлопал друга по плечу: — Послушай моего совета: не повторяй всё это другим, не то над тобой станут подшучивать. Если парень пройдёт хотя бы уездный отбор — это уже будет твоей великой заслугой.

Наставник хотел было возразить, что юноша справится и без его помощи, но старик лишь отмахнулся: — Иди, иди к себе. Я верю в талант твоего ученика, верю.

На второй день занятий вывесили списки с результатами экзаменов, сданных ещё до зимних каникул. Толпа учеников шумно теснилась у доски объявлений. Линьси тоже пришёл туда, но в своём простом платье он казался среди них совершенно неприметным.

Он нашёл своё имя в самом конце списка. По всем предметам — «третий разряд». Самая низшая ступень.

— С такими-то знаниями... И наставник Хуай взял его к себе? Курам на смех! — раздался чей-то язвительный голос.

— Знал бы я, что достаточно прикинуться сирым и убогим, чтобы попасть в милость к учителю, сам бы так сделал, — подхватил другой.

Гнилые слова жалили слух. Линьси медленно обернулся и по очереди впился взглядом в каждого из говоривших. Смельчаки, ожидавшие увидеть его позор и слёзы, вдруг осеклись, подавленные тяжестью его взора.

«Бесстыдник!»

Мысленно плюнул кто-то, но вслух не проронил ни слова.

Цзи Линьси вновь посмотрел на позорный список. Внутри него кипела решимость.

«В следующий раз моё имя возглавит этот перечень. И не только этот. Уездные, провинциальные — везде я стану первым»

А если он возьмёт «трижды первое место», став лучшим на всех этапах вплоть до столичных и дворцовых испытаний? Такое достижение навеки заносят в анналы истории.

«Обретя подобное величие, разве не заставлю я сердце прекрасного принца дрогнуть?» — Линьси самодовольно усмехнулся.

В мыслях он уже рисовал сцену их новой встречи.

Вот он скачет на величественном скакуне, на голове — венец победителя, на плечах — алые ленты, а грудь украшена огромным шёлковым цветком. Весь столичный люд вышел поглазеть на триумфальное шествие нового первого учёного империи. И вдруг среди толпы он видит Его Высочество. Принц поражён его статьёй, его несравненным величием; его сердце невольно трепещет перед такой силой и красотой...

«Неужели в подлунном мире есть муж столь одарённый и столь прекрасный лицом?»

Затем Линьси спешивается, передаёт поводья слуге и уверенной походкой триумфатора подходит к принцу. Он учтиво кланяется и, протягивая руку с изысканным изяществом, произносит:

— Я — Цзи Линьси, нынешний первый учёный. С первого взгляда я почувствовал в вас родственную душу. Не соизволит ли благородный господин разделить со мной чашу вина под луной?

Принц замирает в смущении, его белоснежное лицо заливают нежный румянец, и тонкие пальцы доверчиво ложатся в ладонь юноши:

— Охотно...

От таких грёз Линьси едва не засиял, чувствуя небывалый прилив сил. Но в следующее мгновение он нахмурился, осознав, что упустил одну деталь.

А что, если Его Высочество тоже решит сдавать экзамены?

Линьси застыл на месте, его лицо стало предельно серьёзным. Если прекрасный принц тоже выйдет на это поле битвы, кому достанется звание первого учёного — ему или его любви?

После недолгой внутренней борьбы Линьси сокрушённо вздохнул.

«Пусть первым будет принц. Небожителю с такой божественной статью пристало лишь сидеть на вершине мира, разве можно позволить ему стоять ниже кого-то?»

Раз так, он сам станет «вторым учёным». Когда их торжественная прогулка верхом по улицам подойдёт к концу, он остановит прекрасного господина и изольёт ему все чувства, скопившиеся в сердце. Расскажет, как восхищён его талантом и чистотой нрава, как мечтает стать его верным другом, чтобы вместе обсуждать идеалы и служить в академии Ханьлинь.

А там — ежедневная близость, общие труды... Искра превратится в пламя. Когда страсть станет нестерпимой, он позволит себе быть ближе, а принц, трепеща ресницами, прикроет глаза в притворном нежелании...

И тогда они вдвоём достигнут вершин блаженства, забыв о течении времени.

Этот сценарий был даже лучше прежнего.

Линьси мгновенно воспрял духом. Его сердце и плоть отозвались единым радостным порывом. Он больше не смотрел на доску объявлений и поспешно зашагал прочь.

Нужно учиться. Учиться не щадя жизни.

Как говорится: «Кто в холоде каморки над книгами корпел, тот в брачную ночь плоды усердия вкусил».

Далеко в столице, в безмолвии Восточного дворца, Чу Юй вновь чихнул. Его левое ухо обдало жаром. Он коснулся его кончиками пальцев, нахмурился и приложил тыльную сторону ладони ко лбу.

Заметив это, евнух Чэнь Дэшунь тут же велел позвать лекаря.

Спустя время императорский врач отнял руку от запястья принца и склонился в поклоне: — Ваше Высочество в добром здравии, никакой хвори нет.

Чэнь Дэшунь не унимался: — Посмотри ещё раз! В этом месяце Его Высочество чихает четвёртый раз, а уши горят уже в седьмой! Разве это не признак недуга?

Лекарь ещё раз тщательно проверил пульс и нерешительно произнёс: — Возможно... это смена времён года. Тело Его Высочества лишь привыкает к весеннему воздуху. Я приготовлю укрепляющий отвар и тотчас пришлю его во дворец.

Евнух кивнул: — Так поторапливайся! Если с принцем что случится — головой ответишь.

Врач поспешно удалился. Чу Юй потёр лоб и негромко произнёс: — Чэнь-гунгун, позови ко мне Юньшэна. Ты можешь идти.

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

Вскоре в зал вошёл Юньшэн. Принц взмахом руки велел остальным слугам покинуть покои. Телохранитель опустился на колени, ожидая важного поручения, но голос Его Высочества прозвучал как-то странно:

— Юньшэн, отправь людей в уезд Юнчэн. Нужно разузнать об одном человеке.

— О ком, господин?

Чу Юй помедлил, а затем выдохнул имя: — Чу Си.

Произнеся его, принц нахмурился, чувствуя смутное беспокойство. По ногам вновь пробежала та знакомая, липкая волна жара.

Он закрыл глаза, подавляя это чувство и стискивая зубы. Каждый раз, когда его ухо начинало гореть, он невольно вспоминал того... бесстыдного мерзавца.

<http://bllate.org/book/15344/1411587>